

12

Петр Николаевич Мамонов:

Нож на столе должен лежать красиво

Калесинская графика - 1992 - 240х300 - с. 3

ой «контр», к которой се, и Мамонов,—изоб- На деле все гораздо есть, либо ее нет. Ког- тую истину, то, воз- о счастливы от факта и

Посторонние люди относятся к Петру Николаевичу полярно: или любят, или не переносят. Но, говорят, во всей театральной Москве сейчас стоит посмотреть на работы всего двух людей: актера Петра Мамонова в «Лысом бронете» и режиссера Романа Виктюка. Еще говорят, что Петр Николаевич плохо относится к журналистам. Впрочем, когда мы позвонили ему, то сразу получили согласие на встречу. Странно, подумалось нам, с чего бы это такая доброжелательность. Наше некоторое недоумение улетучилось лишь в самом конце разговора, когда собеседник заявил, что... Впрочем, смотрите окончание интервью.

— В телепрограмме «Экзотика» вы водили гостей по своей студии и, проведя их на кухню, сказали загадочную фразу, что у каждого мужчины должен быть нож. Почему?

— Нож лежал, он был красив. С черной ручкой на белом столе. Раньше у настоящего мужчины был целый набор: расчесочка в чехольчике, на галстук — булавка, на рукавах — резиночки, носки надевали тоже на такие резиночки. Был портсигар обязательно. То есть человек был окружен удобными и красивыми, как тогда казалось, мелочами. А это в какой-то степени строит нас, от такой ерунды, от внешнего: где стоит у вас дома пельница, то-ли она цвета — многое зависит в нашей внутренней гармонии, в причастности к подлинному. Поэтому нож, когда он положен ровно, не на краешек и не косо, тоже дает что-то, какой-то покой. Не потому что он острый и им можно резать, просто сегодня приходится строить мир заново, в первую очередь вокруг себя, тем самым участвуя в большом общем деле. Цель — вписаться в подлинный мир, в свою нишу, там есть и слушать всяческие неясности — шорохи, звуки — и пытаться их взять, приблизиться к истине. Вся жизнь — это приближение к каким-то истинным вещам.

— Вы, наверное, не разделяете мысль Хайдеггера о заброшенности человека в чуждое и враждебное ему бытие!

— Я не слышал такой фамилии, но могу сказать, да, эту мысль я не разделяю. Потому что вначале надо определить, что такое «бытие». А это, я думаю, каждый решает сам. Для меня бытие — это существование в конкретном, четко в своем ящичке, на своей полочке. И если, например, человек не на своем месте, неправильно сделана вещь или совершен какой-то неправильный поступок, то это тут же, как камушек, брошенный в воду, отзывается во всей Вселенной.

Пока приходится создавать свои маленькие мирки. Я думаю, это неплохо, потому что из этих пятнышек, нормальных, подлинных, реальных, и вырастет настоящее, большое.

— Эти мирки включены в общий поток или они «по ту сторону зеркального стекла»?

— Конечно, они в общем потоке, иначе все это искусственно. Но они — попытка приблизиться к подлинному пониманию того, что такое эта страна, этот народ. И если я закрываюсь здесь, в студии, то только для того, чтобы не мешали поймать что-то главное. Ведь в том, что происходит сейчас на улицах, в метро, очень мало подлинного. Хаос. Я не осуждаю, все понимаю, много ждать нельзя. И мальчики в киосках, они что-то делают, они вздымают пространство. И из этого, конечно, родится какой-то общий смысл, и все уляжется.

— А вам не кажется, что идея «закраться» вызвана тем, что новое поколение, выбирающее пепси, куда-то отодвинуло старые авторитеты?

— Ну настоящий авторитет, его хоть двигай, хоть нет, ничего не произойдет. А если ложных отодвинули, так и очень здорово. И пусть молодые люди, которых я очень люблю, выбирают пепси, а не портвейн, как мы. Что бы там

ни говорили о том, что раньше было теплее, что раньше были кухни, был Окуджава, ерунда все это. Было страшно плохо, жили под прессом. Другое дело, что героями были другие люди, вся шушера под прессом сминалась. Ее не было как будто. А настоящие все-таки действовали. А сейчас, как в любые революционные времена, вся пена — наверху, но это скоро кончится. Сейчас вообще счастливая жизнь, все зависит от тебя.

— Поиск своей ниши, он не ограничивает?

— Нет, потому что на самом деле ниша — это не ниша, а часть остального мира. И если ты в точном месте находишься, занимаешься точным делом и живешь сознательно и в то же время интуитивно, то ты просто становишься частью Вселенной. Это путь к себе, к истокам, к подлинности.

— Какой путь познания вам близок: «встань у реки, смотри, как течет река»?

— Конечно, созерцание. Мережковский очень хорошо сказал о Пушкине: «Герой — это поэт времени, а поэт — это герой созерцания». Пушкин в первую очередь умел смотреть, впускать мир в себя, и рождался отзвук.

— Человек, который сейчас занимается творчеством, он играет какую-то роль в обществе, для общества?

— А как же. Он-то и играет. Вот мне приятель рассказывал, что пришел как-то на мой спектакль двое с бутылкой. Ну, как обычно, Петруха сейчас выйдет, а мы выпьем пока. И вот те двое, значит, один акт отсидели, второй начался, и один говорит: ну давай открывай, чего тянуть-то, стакан есть, все нормально. А второй ему — не смей открывать. Значит, чем-то зацепило, что-то изменилось внутри. Это для меня очень важно, значит, я

не зря всем этим занимаюсь. — А не коробит оценка Егора Летова, что такие, как Мамонов, только развлекают публику?

— Да, развлекаю. Разве это плохо? Знаменитый английский музыкант и певец Стив Харли говорил, что мы, артисты, — публичные животные. Или Гольцман? Если думать, что живешь для того, чтобы спасти кого-то... Нет! Конечно, чтобы развлекать, чтобы люди на какие-то два часа забыли обо всем и только смотрели на сцену.

— То есть кино и театр — фабрики грез все же?

— А как же. Но грезы разные бывают. Сейчас сдвигаются определения, что такое кино, театр, музыка. Развлекает это или, что мне гораздо больше нравится, становится неотъемлемой частью жизни, такой же, как поесть, поспать.

— Эстетизация быта?

— Нет, просто быт — это часть мира, значит, часть тебя самого. А в человеке все должно быть прекрасно... Вот мы разделили — это искусство, а это быт, это — жрать, а это нет, это — секс, а это любовь. Не бывает! Все должно быть органично. Но чтобы найти гармонию, надо быть развитой личностью. Не только в смысле интеллекта и знаний, хоть это необходимо, но развитой в смысле умения жить внутренней жизнью.

— «Звуки Му» умерли, потому что устарела идея?

— Идея, ради которой мы собрались, кончилась. А могла бы стать прибыльной работой. Нас как раз только раскрутили в Англии, мы очень успешно отыграли в Лондоне. Но мы не захотели останавливаться. И я этому очень рад. Сейчас каждый из нас делает что-то свое.

— Новая программа, судя по этому, должна быть неожиданной, да?

— Это будет кантри-рок. От нас уже ждут чего-то еще более театрального, а это будет простая, сильная вещь с отличными музыкантами, с хорошим ритмом. Гитарная музыка, современный звук. Недавно играли в Анапе, нам понравилось. Мы увидели, что идея живет. Это открытая вещь, конечно, и образ, имидж, стиль общения тоже надо менять. Теперь сможете увидеть нас в самых разнообразных, взаимоисключающих программах. Газета «День» будет у меня интервью брать — пожалуйста. «Музобоз», кто угодно, пожалуйста. Пенкин, Бабакина и Мамонов. Никакого индипендента, туда, ко всем рядышком. На пароходе плавать будем! Всем привет!

А. МОНАХОВ,
О. САПРЫКИНА